

Глава 5. Квартал Весенних Цветов

В одной из лучших комнат на втором этаже Квартала Весенних Цветов Цзянь Мянью склонился над тазом с чистой водой, пытаясь смыть со щёк и рук приторный аромат благовоний. Он то и дело принюхивался и всякий раз недовольно морщился — запах оказался на редкость стойким и въедливым.

Цинь Уцзю тем временем невозмутимо сидел за столом и уже потянулся к кувшину, собираясь наполнить кубок. Цзянь Мянью, заметив это, в мгновение ока оказался рядом и перехватил сосуд. Пальцы ощутили лишь гулкую пустоту — кувшин был пуст.

Юноша помрачнел. Значит, Цинь Уцзю умудрился осушить всё в одиночку. Болезнь ещё не отступила, а он уже за старое — совсем жизни не жаль? В голове у Цзянь Мянью загудело от праведного возмущения.

Он был так поглощён заботой о здоровье наставника, что совершенно позабыл задаться вопросом: откуда у «немогущего больного» взялось столько сил, чтобы так легко, одной рукой, втащить его в окно?

Дверь тихо скрипнула, и в комнату вошла очаровательная девушка, неся поднос с вином и лёгкими закусками.

Цзянь Мянью, уже успевший познакомиться с напористостью местных девиц, при виде гостьи мгновенно ошетинился. Он попятился вглубь комнаты и замер, лишь прижавшись спиной к стене — так он чувствовал себя хоть в какой-то безопасности.

Красавица поставила поднос на стол и, заметив его реакцию, удивлённо приподняла бровь. Она сразу узнала в юноше того самого смельчака, который только что свалился с балкона, спасаясь от приставаний, и не сдержала мягкой улыбки. В её взгляде не было издёвки — лишь искренняя забава.

Цзянь Мянью тоже осознал, что перегнул палку. Стало неловко: человек просто принёс заказ, к чему эти сцены? Он скованно кивнул девушке в знак приветствия.

Та расставила чарки и блюда, грациозно поклонилась, пожелала гостям приятного отдыха и, уходя, деликатно прикрыла за собой дверь.

Лишь когда шаги красавицы затихли в коридоре, Цзянь Мянью смог выдохнуть. Он со стуком поставил пустой кувшин на стол и обернулся к старшему:

— Младший боевой дядя, зачем вы пришли в подобное заведение?

— В подобное? — Цинь Уцзю уловил в его голосе явное осуждение. Глядя на смущённый вид

племянника, он решил прикинуться непонимающим: — И что же это за заведение?

— Ну... непристойное, — выдавил Цзянь Мянью, стиснув зубы. — Здесь приличным людям делать нечего. Пойдёмте домой.

Цинь Уцзю покачал головой. Он потянулся к новому кувшину, но Цзянь Мянью снова оказался быстрее и отобрал вино.

В обычные дни юноша относился к шишу с глубочайшим почтением, как и подобает младшему. Но когда дело касалось здоровья и привычек, он проявлял завидное упрямство. Больше месяца он ходил вокруг Цинь Уцзю на цыпочках, выхаживал его, берёг каждую крупницу сил. И теперь, когда больной наконец пошёл на поправку, тот решил всё пустить по ветру ради выпивки?

Этого Цзянь Мянью допустить не мог.

Цинь Уцзю снова остался с пустыми руками. Он медленно поднял глаза на разгневанного юношу. Давненько никто не осмеливался вести себя так дерзко в его присутствии.

Это чувство было почти забытым, странным и даже забавным. Цинь Уцзю с удивлением поймал себя на мысли, что рядом с Цзянь Мянью его нрав становится на редкость кротким.

Раз вина не дали — что ж, так тому и быть. Он не стал спорить, а просто взял палочки и отправил в рот кусочек пирожного.

Цзянь Мянью вдруг осенило, и он с дрожью в голосе спросил:

— Младший боевой дядя, вы ведь... не звали сюда девиц?

Цинь Уцзю промолчал.

Для Цзянь Мянью это молчание было равносильно признанию. Остаться здесь больше не было сил. Он уже хотел было силой увести наставника, но в этот момент в дверь снова постучали. Вздрогнув, юноша покосился на невозмутимого Цинь Уцзю, отставил вино и пошёл открывать.

На пороге стоял мужчина, судя по виду — один из слуг Квартала.

— Вы к кому? — недоуменно спросил Цзянь Мянью.

Тот держал в руках два запечатанных кувшина, расплываясь в угодливой улыбке:

— Это персиковое вино, которое заказывал господин. Всё запечатано по высшему разряду.

Цзянь Мянью замер и оглянулся вглубь комнаты. Так шишу пришёл сюда просто за выпивкой?

Заметив его замешательство, слуга охотно пояснил:

— Это персиковое вино — гордость Фэнчжоу. Его подают только у нас, в «Весенних Цветах», больше нигде не найдёте. Сразу видно, господин знает толк в хороших вещах.

Цзянь Мянью почувствовал, как гора свалилась с плеч. Значит, шишу здесь не ради плотских утех.

Впрочем, вино он всё равно не принял и велел забрать обратно.

Проводив слугу, Цзянь Мянью вернулся к столу, но Цинь Уцзю там уже не было. Кувшин, который он оставил на столе, валялся пустым.

«Куда он делся?»

Цзянь Мянью огляделся и заметил старшего у кровати. Тот полулежал, прислонившись к спинке и закрыв глаза. У юноши даже голова заболела от бессилия.

Цинь Уцзю был пьян. На его обычно бледном лице проступил нездоровый румянец, придав чертам обманчивую хрупкость.

Вино выпито, ругаться бесполезно, а бить — и вовсе грех. Цзянь Мянью тяжело вздохнул. Рядом с этим человеком всё его возмущение таяло без следа.

Он подошёл к кровати и протянул руку, собираясь разбудить наставника. Но не успели пальцы коснуться плеча, как воздух вокруг словно сгустился. В следующее мгновение ледяная хватка сомкнулась на его горле, и Цзянь Мянью с силой вжали в матрас.

Сердце ушло в пятки. Юноша хотел было дёрнуться, но, подняв взгляд, наткнулся на глаза Цинь Уцзю — холодные, пустые, лишённые даже намёка на чувства.

От этого взгляда веяло первобытной жаждой крови. Цзянь Мянью внутренне содрогнулся. Он понимал, что сейчас боевая мощь наставника почти на нуле, но под весом этой ауры его всё равно прошиб холодный пот.

— Младший боевой дядя... — прошептал он, прекратив сопротивление. Если он сейчас начнёт бороться, то может случайно ранить больного, и тогда придётся выхаживать его заново. Цзянь Мянью обмяк, показывая, что не опасен.

Глядя наставнику прямо в глаза, он тихо повторил:

— Это я, Цзянь Мянью.

— Цзянь Мянью... — эхом отозвался Цинь Уцзю. Он подался вперёд, пристально вглядываясь в лицо юноши.

Они оказались так близко, что Цзянь Мянью явственно ощутил аромат вина — тонкий, чистый запах цветущего персика. Удивительно приятный.

Спустя мгновение Цинь Уцзю, словно узнав племянника, разжал пальцы на его шее, но подниматься не спешил.

Они так и лежали — один на другом. Цзянь Мянью осторожно придержал руку шишу, боясь, что тот снова вцепится ему в горло, и примирительно проговорил:

— Младший боевой дядя, вы пьяны. Пойдёмте домой.

— Я пьян? — Цинь Уцзю слабо улыбнулся. — О нет, меня и тысяча кубков не свалит.

Цзянь Мянью впервые видел его улыбку. Она была подобна весеннему солнцу, растапливающему вековые льды — ослепительная, невозможная красота. Юноша на миг даже зажмурился, не в силах вынести этот свет.

Моргнув, он попытался отстраниться, но почувствовал, что Цинь Уцзю затих. Присмотревшись, он понял: наставник крепко уснул. Дыхание его стало ровным и спокойным.

После всей этой кутерьмы Цзянь Мянью чувствовал себя совершенно измотанным. Смахнув пот со лба, он проворчал:

— Надо же, пить совсем не умеет, а туда же...

Цинь Уцзю оказался «тихим» пьяницей. Стоило ему убедиться, что рядом безопасно, как он провалился в глубокий сон, не доставляя больше никаких хлопот. Лишь в первый миг сработала мышечная память — инстинкт воина, привыкшего к нападению.

Стемнело, на улице похолодало. Цзянь Мянью не хотел тревожить и без того слабого наставника, но оставаться в публичном доме было верхом неприличия. Он набросил на Цинь Уцзю плащ, закрепил завязки и, взвалив его себе на спину, подошёл к окну.

Идти через главный вход он не решался. Мало того что там всё ещё рыскали хищные девицы,

так ещё и объяснять потом, почему младший боевой дядя возвращается из Квартала Весенних Цветов в таком состоянии, было бы ох как непросто.

Оставив на столе деньги за выпивку, Цзянь Мянью осторожно выбрался на карниз. Он никогда раньше не занимался подобным и чувствовал себя настоящим вором. Приземлившись, он едва не подвернул ногу, но чудом удержал равновесие, больше всего боясь уронить свою драгоценную ношу.

Он обернулся проверить: всё в порядке. Шишу спал безмятежным сном.

В свете фонарей, развешанных вдоль дороги, Цзянь Мянью заметил, какие у Младшего шишу длинные и густые ресницы. От Цинь Уцзю пахло персиковым цветом и прохладой. Раньше Цзянь Мянью терпеть не мог пьяных, но этот хмельной аромат почему-то совсем его не раздражал.

«Наверное, всё дело в лице... Если человек красив, ему прощаешь всё», — усмехнулся он своим мыслям и зашагал к дому.

Лунное серебро заливало спящий город. Снег на мостовой был аккуратно расчищен, лишь кое-где белели остатки сугробов. Почти у каждого порога стояли снеговики, слепленные детворой — забавные, неуклюжие фигурки самых разных форм.

Цзянь Мянью вдруг показалось, что он вернулся в детство — в то время, когда мир был простым и добрым. На душе стало легко, и он негромко замурлыкал под нос какую-то мелодию.

Он не заметил, как Цинь Уцзю за его спиной приоткрыл глаза. Хмель из них почти выветрился, уступив место ясности.

Цинь Уцзю действительно плохо переносил алкоголь, а потому пил крайне редко. Сегодня он вышел на прогулку просто от скуки, но, почуввав в воздухе аромат легендарного персикового вина, не устоял.

Ему было всё равно, где пить и что о нём подумают другие. Но реакция маленького боевого племянника оказалась на редкость любопытной.

Он притворился пьяным, чтобы посмотреть, что сделает Цзянь Мянью. Разозлится? Бросит его здесь и уйдёт? Но этот неожиданный племянник проявил удивительное терпение. Не ругался, не злился — лишь бережно укутал и понёс на себе.

Цинь Уцзю чувствовал, как осторожно Цзянь Мянью переставляет ноги, словно боясь разбить бесценную фарфоровую вазу. За всю свою долгую жизнь он не встречал человека, который относился бы к нему с такой самоотверженной добротой.

Глядя в затылок юноши, Цинь Уцзю с каким-то болезненным азартом подумал: «Интересно, как долго продлится твоё терпение? Где тот предел, за которым ты меня возненавидишь?»

Ему очень хотелось это узнать.

Цзянь Мянй ни о чём не подозревал. В ночной тишине слышались лишь его мерные шаги и негромкое напевание, улетающее далеко в морозный воздух.

Цинь Уцзю прижался щекой к спине юноши. Он чувствовал его сердцебиение — частое, жаркое, наполненное жизнью. Под это мерное постукивание и тихий мотив наставник почувствовал, как тревоги отступают. Сонливость, смешанная с остатками хмеля, окончательно сморила его, и он снова закрыл глаза, на этот раз засыпая по-настоящему.

<http://bllate.org/book/17489/1708694>